

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА РУДАЯ

УДК 248.157

магистрант, Теологический институт
Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии
(дер. Колбино, д. 25а, Ленинградская обл.,
Всеволожский район, Россия, 188680)
chri@yandex.ru

**О ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«ЖЕРТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ»**

В ЛЮТЕРАНСКОМ ЛИТУРГИКО-БОГОСЛОВСКОМ КОНТЕКСТЕ

В рамках растущего доброжелательного диалога между традиционными представителями западной ветви христианства в нашей стране возникает влияние богословского языка одной конфессии на язык другой. В статье рассматривается одно из таких влияний — понятие «жертва репрезентации». Представлен обзор учения о жертве в Новом Завете, у ранних отцов Церкви, а также у католических и лютеранских авторов более поздних эпох. Современное использование понятия «жертва репрезентации» восходит, однако, не к трудам теологов предшествовавших столетий, но к «мистериальному богословию» немецкого бенедиктинца О. Казеля, одного из влиятельных предшественников II Ватиканского собора. Конфессиональные лютеранские теологи практически единодушны в своем неприятии такого словоупотребления, несмотря на несомненную экуменическую привлекательность термина. Среди причин осторожного отношения к рассматриваемому понятию: нежелательность темпоральных, философских и богословских спекуляций, достаточность веры в истинное Присутствие Тела и Крови Христа в Таинстве, подчеркивание катабатического измерения Таинства. Лютеранский экзегетический принцип *sedes doctrinae* также не позволяет привносить новые, не подтверждаемые Св. Писанием теории в богословский обиход Церкви.

Ключевые слова: Евхаристия, жертва репрезентации, Книга Согласия, конфессиональное лютеранство, лютеранско-католический диалог, Одо Казель, Причастие, Таинство, *sedes doctrinae*

OLGA ALEXANDROVNA RUDAYA

master of Theology, Theological Institute
of the Evangelical Lutheran Church of Ingria
(der. Kolbino, 25a, Leningrad region,
Vsevolozhsk district, Russia, 188680)
chri@yandex.ru

**ON THE TERM SACRIFICE OF REPRESENTATION
IN THE LUTHERAN LITURGICAL AND THEOLOGICAL CONTEXT**

Theological glossary of different confessions in our country changes due to good-natured and expanding dialogue between representatives of traditional Western Christianity. The article deals with sacrifice of representation, one of the terms influenced by such tendency. The author reviews briefly the teaching on the sacrifice in the New Testament, in early Church fathers' writings, as well as in Catholic and Lutheran theologians of later centuries' writings. Recent notion *sacrifice of representation* however was coined in another way — it's rooted in the so-called mystical theology of German Benedictine Odo Casel, who was an influential precursor of the II Vatican Council. Confessional Lutheran theologians are almost unanimous in their rejection of such a way of speaking despite a great ecumenical appeal of the term. We can name reasons for a highly cautious position towards the idea as follows: unwillingness to speculate neither in temporal, nor in philosophical, theological terms, full adequacy of mere faith in Real Presence of the true Christ's Body and Blood in the Sacrament, emphasis on catabatic perspective in the Sacrament. Furthermore, a Lutheran exegetical principle *sedes doctrinae* prevents from introducing any new theories not founded in the Holy Scripture into the Church's theological discourse.

Key words: Eucharist, sacrifice of representation, the Book of Concord, Confessional Lutheranism, Lutheran-Catholic dialogue, Odo Casel, the Holy Communion, Sacrament, *sedes doctrinae*

В настоящее время в нашей стране развивается межконфессиональный диалог между лютеранами и римо-католиками, начатый во многом благодаря экуменической открытости II Ватиканского собора (1962–1965 гг.). Кроме реализации социально-диаколических проектов и таких форм совместного служения и встреч, которые необязательно затрагивают различия в вероучении, встают и догматические вопросы¹. При этом в российском контексте такого рода вопросы возникают несколько позже, чем перед христианами в других частях света, что на заре возрождения Церкви Ингрии в 90-х гг. XX в. несколько усложняло (как например, в случае с подписанием совместной Декларации об оправдании с католиками), а ныне облегчает поиск ответов². Одна из таких тем — Таинство Св. Причастия и его жертвенный характер.

¹ Перечень основных документов, принятых в рамках собеседований Римско-католической церкви и Всемирной лютеранской федерации: Lutheran-Roman Catholic Dialogue // URL: <https://www.lutheran-world.org/content/lutheran-roman-catholic-dialogue> (30.11.2023).

² Являясь членом Всемирной лютеранской федерации, Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии, тем не менее, не подписала совместную Декларацию об оправдании, потому что у нее не было «такой теологической базы, на основе которой она могла бы дать заключение» о готовящейся Декларации о доктрине оправдания «или приобщиться для выбора своей позиции к точке зрения других церквей» (Протокол Синода Централизованной религиозной организации Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России. СПб., 1996. § 9). Синод дал право епископу Арри Кугаппи «выступить в соответствии со своими убеждениями на Ассамблее в Гонконге от имени Церкви Ингрии по относящимся к документу вопросам и при голосовании голосовать согласно своим убеждениям». В епархиальном журнале было сказано также, что это «серьезный теологический документ, а служители Церкви Ингрии и представители Синода не имели достаточно времени, чтобы рассмотреть его на родном языке». Епископ Арри Кугаппи «не готов одобрить заявление, поскольку считает его неприемлемым для лютеранства» (Тийхонен П. Новости с Синода // Церковь Ингрии. 1996. № 4/20. С. 14). В том же выпуске журнала была опубликована статья настоятеля Выборгского прихода пастора Йормы Каллио с перечислением заблуждений, которые не позволяют лютеранской Церкви присоединиться к совместному заявлению с римо-католиками, как то: поверхностность, оправдание не считается юридическим актом, смешение оправдания и освящения, желание подчинить исповедания обеих Церквей этому новому документу и т. д. (Каллио Й. Доктрина оправдания и стремление Церквей к единству // Церковь Ингрии. 1996. № 4/20. С. 6–7).

Оценивая состояние межконфессионального диалога о понимании Таинства Св. Причастия, папа Бенедикт XVI (1927–2022) отмечал, что «сегодня вопрос о жертвенном характере Евхаристии уже не на переднем плане столкновения богословских мнений, однако он относится к числу тех решающих разногласий, которые в эпоху Реформации определили облик церковного раскола, придали ему духовную и богословскую глубину»³, в настоящее время «мысль о жертвоприношении» остается как «задача»⁴. В этом отношении суждение папы римского представляется более реалистичным, нежели предполагающая всеобщий консенсус формулировка Всемирного совета церквей в Лимском документе 1982 г., посвященном Крещению, Евхаристии и пастырскому служению⁵. Вопрос о Таинстве Св. Причастия не может быть ни маргинальным вопросом, ни решенным к настоящему моменту. Речь идет о средстве благодати, которое Евангелическо-лютеранская Церковь ставит наравне с Божьим Словом.

Основное новозаветное использование слова «жертва» (греч. θυσία) — это 1) жертва Иисуса Христа (Евр 10:12 и др.) и 2) духовные жертвы, которые призваны приносить верующие (возвещать дела Божьи, I Пет 2:5, 9, предоставить свои тела для служения, Рим 12:1, а также жертвы хвалы, благоотворения и общительности, Евр 13:15). Уже у мужей апостольских мы можем встретить представление о Причастии как о жертве, однако, без какой-либо конкретизации вида жертвы (Ign. Phil., 4; Did., 14). К III в. у Киприана Карфагенского оформилась мысль о том, что Таинство Св. Причастия представляет собой Жертву Христову, которая тем или иным образом воспроизводится: «Но так как при всякой жертве мы вспоминаем страдание Господа (ибо жертва, приносимая нами, есть Его страдание), то мы и не должны делать ничего дру-

³ Ратцингер Й. Богословие литургии: Сакраментальное обоснование христианского существования. М., 2017. С. 312.

⁴ Там же. С. 330.

⁵ «...есть только одно умилоствление, именно же то, что совершенно уникальным жертвоприношением на кресте, актуализируемое в евхаристии ходатайством Христа и Церкви перед Отцом за все человечество» (Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / Сост. М. Киннемон, Б. Коуп. М., 2002. С. 212–213).

гого, кроме того, что Он делал» (Сург. Ер., LXIII. 17 et pass.)⁶. В более поздней западной латиноязычной мысли, в частности у Фомы Аквинского, Жертва Христова представляется, или «репрезентируется», на богослужении: «Как отправление этого таинства является образом, представляющим страсти Христа, так и алтарь является представлением самого креста, на котором в жертву в присущем Ему виде был принесен Христос» (ST. III. Q., 83. 1. Ad sec.)⁷; «это таинство называется «жертвой» постольку, поскольку в нем представлены страсти Христовы» (ST. III. Q., 73. 4. Ad tert.)⁸.

Сборник лютеранских вероисповедных документов, собранных под общим названием «Книга Согласия», знает только два вида жертвоприношения. Это жертва благодарения («евхаристическая») и жертва умилоствления. Причем последняя — это не то, что совершает человек (Ar. Conf. Aug., 24 (12), 19–21, 58; 13 (7), 7, 10). Ветхозаветный Закон представлял людям лишь прообраз истинной Жертвы умилоствления. В мире всегда существовала одна-единственная Жертва умилоствления, а именно — Жертва Христова, как свидетельствует автор Послания к евреям 10:10 (Ar. Conf. Aug., 24 (12), 22). Данный момент необходимо отметить в качестве имеющего принципиальную важность: до Христа были прообразы Его Жертвы, после Него — имеет место воспоминание Его Жертвы (1Кор 11:24). Сама же она была уникальна в истории. Его Тело и Кровь истинно присутствуют на каждом причастном столе во все века, но сам акт распятия и принесения Жертвы — неповторим.

В попытке объяснить Таинство Св. Причастия все больше сторонников обретает такая теория, как жертва репрезентации. В современном лютеранском богословском дискурсе при ориентации на укрепление экуменических связей

⁶ «Et quia passionis ejus mentionem in sacrificiis omnibus facimus (passio est enim Domini sacrificium quod offerimus), nihil aliud quam quod ille fecit facere debemus».

⁷ «Sicut celebratio huius sacramenti est imago repraesentativa passionis Christi, ita altare est repraesentativum crucis ipsius, in qua Christus in propria specie immolatus est».

⁸ «Hoc sacramentum dicitur sacrificium, inquantum repraesentat ipsam passionem Christi».

прозвучало утверждение о том, что «признание репрезентативного характера Евхаристической Жертвы <...> не ведет к противоречию с догматическими установлениями Книги Согласия в силу того, что данное измерение Таинства там даже не рассматривалось»⁹. И оно действительно не рассматривалось. Каковы истоки подобного словоупотребления в современной лютеранской Церкви?

Необходимо отметить, что в богословском обиходе не только римо-католиков, но и лютеран это понятие встречалось и прежде. Кроме приведенных ранее ссылок на «Сумму теологии», с римо-католической стороны можно назвать также официальный документ — I главу постановления XXII сессии Тридентского собора от 17 сентября 1562 г.:

...в ту ночь, когда был предан, Он оставил возлюбленной Своей супруге Церкви видимое — как требует того человеческая природа — жертвоприношение, представляющее ту кровавую жертву, которой единожды надлежало совершиться на Кресте, сохраняющее память о ней даже до скончания века и прилагющее ее спасительную силу во отпущение грехов, которые мы совершаем ежедневно (Trid., XXII, 1)¹⁰.

Что касается лютеранского словоупотребления, то богословская и литургическая Реформация XVI в. в Швеции не была свободна от представления о репрезентативном характере жертвы в Причастии. Архиепископ Лаврентий Петри (1499–1573) разделял мнение о двух видах жертвы из Апологии Аугсбургского исповедания (Ar. Conf. Aug., 24 (12); 19–21). Однако месса, по его мнению, также могла считаться жертвой, поскольку «она обозначает или представляет [швед. *representerar*] жертву, которую Христос принес на кресте»¹¹. Важно отметить аргумент Лаврентия Петри:

⁹ Иванов М. В. Святое Причастие в богословии Мартина Лютера: дисс. ... магистранта. СПб., 2016. С. 72.

¹⁰ «...qua nocte tradebatur ut dilectae sponsae suae Ecclesiae visibile (sicut hominum natura exigit) relinqueret sacrificium quo cruentum illud semel in cruce peragendum repraesentaretur eius que memoria in finem usque saeculi permaneret atque illius salutaris virtus in remissionem eorum quae a nobis quotidie committuntur peccatorum applicaretur».

¹¹ Цит. по: Senn F. C. Liturgia svecanae ecclesiae: An Attempt at Eucharistic Restoration during the Swedish Reformation. Notre Dame, 1979. P. 346.

...учителя называют это Таинство жертвой, потому что священник и народ полагают его между своими грехами и гневом Божиим как знак примирения¹².

Иными словами, по его мысли, в Таинстве присутствует элемент человеческого деяния в умилоствлении Бога¹³.

Шведский король Юхан III (1537–1592) в 1576 г. составил чин богослужения *Liturgia svecanae ecclesiae catholicae et orthodoxae conformis* (так называемая «Красная книга»). Одной из наибольших проблем в чине этой мессы виделось представление о Таинстве Св. Причастия как о жертве. Живо интересовавшийся вопросами вероучения король был богословски осведомлен о разнице между жертвой умилоствления и жертвой благодарения, о чем свидетельствуют маргиналии в «Красной книге» с отсылкой к Меланхтону¹⁴. Вместе с тем, по мнению исследователей, для рассматриваемой литургии важно понимание Евхаристии как *repraesentatio*¹⁵.

Можно было бы предположить, что в Швеции имело место большее стремление сохранить связь с предшествовавшей традицией, изменения в любом случае были менее радикальными, чем в иных землях, принявших лютеранство, поэтому представление о жертве репрезентации также сохранялось. Однако лютеранский теолог Мартин Хемниц (1522–1586) также касался этого вопроса. Он был одним из авторов вероис-

¹² Цит. по: Senn F. *Liturgia svecanae ecclesiae...* P. 346.

¹³ Лютеранским вероисповедным документам не чужда мысль о том, что за счет призвания Церкви священнослужители представляют Личность Христа («Слушающий вас Меня слушает», Лк 10:16), действуют *in persona Christi*, проповедуя и совершая Таинства, они делают это вместо Христа и за Него (Ap. Conf. Aug., 7–8; 28, 13 (7); 12; см. о такой роли священнослужителя в Крещении: Ap. Conf. Aug., 24 (12); 18, при Отпущении грехов: Ap. Conf. Aug., 12 (5); 40). Однако недвусмысленно лютеране исповедовали, что «если кто-то делает вывод, что в Новом Завете необходим священник, то подобное высказывание допустимо только о Христе» (Ap. Conf. Aug., 24 (12); 58); «оппоненты понимают священство <...> как нечто относящееся к совершению жертвоприношений <...> чтобы приносить жертвы за народ и заслуживать этим прощение грехов для других <...> мы не имеем какого-то иного священства, подобного левитскому, о чем достаточно ясно учит Послание к Евреям» (Ap. Conf. Aug., 13 (7), 7, 10).

¹⁴ Senn F. C. *Liturgia svecanae ecclesiae...* P. 355.

¹⁵ Ibid. P. vi–vii.

споведного документа под названием «Формула Согласия», по значимости богословского вклада его называли «вторым Мартином» — после Мартина Лютера. В своем «Исследовании Тридентского собора» Хемниц противопоставляет представлению о репрезентации в «театральном» смысле:

Но я отрицаю, что древние под наименованием «жертва» подразумевали театральное представление [*theatricam repraesentationem*], которое паписты определяют как Таинство их мессы, и что внешние действия священника, обращающегося к Телу и Крови Христовым при помощи определенных жестов и действий, являются умилоствительной жертвой во оставление грехов (Loc. theol., VI, 8).

Тем не менее, далее Мартин Хемниц не возражает против следующего замечания Петра Ломбардского:

Приносимое и благословляемое священником называют жертвой и приношением, потому что оно является воспоминанием и представлением [*repraesentatio*] истинной жертвы, произошедшей на алтаре креста» (Loc. theol., VI, 8).

Несмотря на то, что понятие «жертва репрезентации» с некоторыми оговорками употреблялось в римо-католическом и лютеранском богословии XVI–XVII вв., современный контекст употребления уже совершенно иной. В настоящее время понятие «жертва репрезентации» обязано своим употреблением не Ангелическому доктору, не отцам Тридентского собора и не критиковавшему его деяния «второму Мартину». Оно коренится в так называемом «мистерияльном богословии» одного из предшественников римо-католического II Ватиканского собора¹⁶.

Незадолго до предыдущего собора с тем же названием — I Ватиканский, — а также после него в 1870 г. Римско-католическая церковь оказалась в некотором заточении, если не сказать в «гетто»: принятие догмата о папской безошибочности,

¹⁶ Вукашинович В. *Литургическое возрождение в XX в.* М., 2005. С. 69–70; Кунцлер М. *Литургия Церкви.* Т. II. М., 2001. С. 17–21; Pless J. T. *Can We Participate Liturgically in the Atonement?* // *Logia: A Journal of Lutheran Theology.* 2010. N 19. P. 11 // URL: <http://www.ctsfw.net/media/pdfs/PlessCanWeParticipateLiturgicallyintheAtonement.pdf> (30.11.2023).

осуждение заблуждений не только религиозного свойства, но и гражданских установлений, невозможность какой-либо общности с Восточной церковью, а также политические события, которые привели к тому, что Ватикан был присоединен к Италии¹⁷. В XX в. римско-католические теологи задавались вопросом, есть ли у их церкви будущее? Многие из них обратились от экзегетики и церковной истории к «менее опасной» области литургических изысканий. Одним из наиболее выдающихся деятелей был немецкий монах-бенедиктинец Одо Казель (1886–1948). Он же стал основоположником так называемого «мистерияльного богословия». О. Казель писал, что древние языческие мистерии на первый план ставили широкое понятие «воспоминания» — ритуальные представления, которые делали присутствующими какие-то действия божества, на чем строилось само существование и жизнь общины¹⁸. В свою очередь, в христианском Таинстве Св. Причастия совершается символическое, но вместе с тем совершенно реальное представление смерти Христа¹⁹. Не только ветхозаветные жертвы, но и языческие жертвоприношения, по мысли О. Казеля, были тенью истинной Жертвы Христовой²⁰. Подобные представления бенедиктинца были подвергнуты критике современниками даже со стороны его единомыслителей. В любом случае это оставалось неофициальным богословием в рамках РКЦ. Впрочем, то была часть живой литургической мысли, и ее течение вылилось в общее русло большой подготовительной работы ко II Ватиканскому собору на официальном уровне. Так, в 1947 г. папа Пий XII издал энциклику *Mediator Dei*, которая впервые была полностью посвящена литургии²¹.

¹⁷ Sasse H. *After the Council* // Sasse H. *Letters to Lutheran Pastors*. Vol. III. St. Louis, 2015. P. 390.

¹⁸ Casel O. *The Mystery of Christian Worship and Other Writings*. London, 1962. P. 53.

¹⁹ Ibid. P. 59.

²⁰ Ibid. P. 60.

²¹ Пожалуй, важнейшими в данной энциклике нужно назвать 46–48, где известный принцип *lex orandi — lex credendi* поворачивается в верном направлении: *Lex credendi legem statuat supplicandi*, закон веры определяет закон молитвы, а не наоборот. Лютеранский теолог Г. Зассе высоко оценил это положение у Пия XII (Зассе Г. *Сие есть Тело Мое: [лютеранское учение о Таинстве Святого Причастия]*. СПб., 2018. С. 39–40).

В энциклике сказано, что церковь продолжает первосвященническое служение Христа в литургии, где крестная Жертва репрезентируется [*repraesentatur*] и с некоторым отличием в способе приношения обновляется (§ 3). Это положение повторилось в § 28 соборной Догматической Конституции о Церкви *Lumen gentium*: священники «в Евхаристическом жертвоприношении, откуда не придет Господь <...> представляют [*repraesentant*] и на деле осуществляют [*applicant*] Единую Жертву Нового Завета, то есть Христа, однажды принесшего Себя Самому Отцу как Жертву непорочную». Как представляется, с одной стороны, Догматическая Конституция формально не отходит от представлений Тридентского собора, а с другой — истоки этих формулировок обнаруживаются уже не в XVI в., но в мысли О. Казеля.

Данная концепция привлекла внимание и лютеранских теологов. Она показалась удачной деятелю литургического возрождения в Шведской Церкви XX в. епископу Г. Аулену²², финну Р. Сааринену (на русском языке издана его книга «Вера и святость. Лютеранско-православный диалог 1959–2002 гг.»), американскому патрологу и редактору издания *Luther's Works* Я. Пеликану (впоследствии перешел в православие)²³. Знакомство со взглядами последнего из перечисленных теологов доступно и на русском языке:

Литургические свидетельства говорят о понимании Евхаристии как жертвы, отношение которой к жертвам Ветхого Завета является отношением прообраза к образу, а отношение к Голгофской жертве — «ре-презентацией», как и хлеб Евхаристии «ре-презентирует» тело Христово (рис. 1)²⁴.

То, что все перечисленные авторы придерживались данного взгляда, было маркером их принципиальных экуменических взглядов.

²² Cooke B. *Synoptic Presentation of the Eucharist as Covenant Sacrifice*. P. 1 // URL: <http://cdn.theologicalstudies.net/21/21.1/21.1.1.pdf> (30.11.2023); Senn F. C. *Liturgia svecanae ecclesiae...* P. 386.

²³ Pless J. T. *Can We Participate...* P. 12; Senn F. C. *Liturgia svecanae ecclesiae...* P. 385.

²⁴ Пеликан Я. *Христианская традиция. История развития вероучения*. Т. I. М., 2007. С. 162–163.

Немецко-австралийский теолог Герман Зассе (1875–1976) посвятил свои труды защите лютеранского вероучения в современных ему условиях, включая вопросы литургики и наставлений служащим пасторам. В 1967 г. он высказывал недоумение относительно использования слова «репрезентация», возникшего под влиянием литургического движения в аббатстве Мария Лаах: «Как мифические переживания несуществующих божеств можно сравнивать с историческими событиями смерти и воскресения Христа?»²⁵ Г. Зассе был убежден, что Аквинат не имел в виду под словом *re-praesentatio* то же, что О. Казель и близкие к нему теологи из бенедиктинской школы в Германии (определить, что понимали под этим термином отцы Тридентского собора, он также нашел затруднительным). По мнению лютеранского теолога, это двусмысленное слово «опасно и совершенно неприемлемо, поскольку оно подвергает опасности уникальность, окончательность и достаточность жертвы Христа на Голгофе»²⁶. Однако «“присутствие“ в этом Таинстве — это не присутствие какого-либо события или действия, имевшего место в прошлом <...> но скорее Присутствие Тела и Крови Христовых»²⁷. Г. Зассе с сожалением констатирует, что в современном мире на вопрос о том, что такое Таинство алтаря, можно получить «не простой ответ из Катехизиса Лютера, но пространные рассуждения о представлении жертвы Христовой и о нашей сопричастности этой жертвы [...] они сочтут ответ Катехизиса слишком простым, недостаточным и требующим переосмысления в свете современной мысли»²⁸.

Противостоял пониманию Таинства как жертвы репрезентации также норвежский теолог и проповедник-мирянин Карл Фредрик Вислефф (1908–2004). Он считал возможным говорить о «повторении», или «актуализации», применительно к проповеди, но не к Таинству Св. Причастия: проповедь является мостом между прошлым, настоящим и буду-

щим, а Голгофскую жертву повторять нет нужды²⁹. В изданной на русском языке небольшой книге, посвященной теологии Реформатора, К. Ф. Вислефф обращает внимание на чрезвычайно простые, но глубокие и достаточные с теологической точки зрения слова Краткого Катехизиса. В них сказано все; важно и то, что *не* было сказано. Для римо-католиков же это — только половина того, что нужно сказать (а именно сказать еще нужно о жертве)³⁰. II Ватиканский собор, по мнению норвежского теолога, не отошел от неудовлетворительного понимания жертвы³¹. В лютеранско-католических беседах не идет речи о повторении Голгофской жертвы на мессе, но говорится о том, что жертва становится присутствующей («репрезентация») ³². К. Ф. Вислефф критикует составителя Апологии Аугсбургского исповедания Филиппа Меланхтона за недостаточную пронизательность при делении видов жертвы всего на два — благодарения и умилоствления — потому что это не дает ответа на вопрос о том, является ли Таинство Тела и Крови Христовых жертвенным даром³³. Тем не менее, самого факта присутствия Христа в Таинстве — достаточно, Он присутствует Своими Телом и Кровью, и нет необходимости в туманном представлении Голгофской Жертвы³⁴.

Проф. Джон Плесс (р. 1953) из американской Лютеранской Церкви — Синод Миссури еще более полно касается вопроса о репрезентации:

²⁹ Подробнее о взглядах К. Ф. Вислеффа см.: Massen H. N. R. The Eucharist as Sacrifice (Master's Thesis). Oslo, 2018 // URL: <https://mfopen.mf.no/mf-xmlui/bitstream/handle/11250/2501954/AVH5010-1006-Massen.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (30.11.2023).

³⁰ Вислефф К. Ф. Теология Мартина Лютера. СПб., 2009. С. 144–145.

³¹ См.: Lumen Gentium, 11: «Участвуя в Евхаристической жертве... они приносят Богу божественную Жертву, а вместе с Нею — и самих себя».

³² Вислефф К. Ф. Теология Мартина Лютера. С. 157. Всемирная лютеранская федерация и РКЦ заявляют об общности понимания Евхаристической жертвы именно в таком ключе: From Conflict to Communion: Lutheran-Catholic Common Commemoration of the Reformation in 2017 / The Lutheran World Federation, Pontifical Council for Promoting Christian Unity. Leipzig, 2013. P. 55 (§ 146), p. 57 (§ 151), p. 59 (157–158).

³³ Вислефф К. Ф. Теология Мартина Лютера. С. 156.

³⁴ Там же. С. 158.

²⁵ Зассе Г. Сие есть Тело... С. 497.

²⁶ Там же. С. 496.

²⁷ Там же. С. 497–498.

²⁸ Там же. С. 532.

Таинство не делает ни нас современниками Страстной пятницы, ни Голгофу современной нам. Скорее, прощение грехов, достигнутое Агнцем Божиим на кресте, ныне преподается нам в даре Тела и Крови Христовых в этом Таинстве. Дар сей — «за вас»³⁵.

В этих простых словах отпадает необходимость в платоническом взгляде на земную и небесную реальность, а также в антропологических теориях празднеств. Дж. Плесс не находит, что употребление слова «репрезентация» лучше тридентских формулировок о жертвоприношении мессы, поскольку движение по-прежнему происходит от земли к небесам, т. е. в ложном направлении³⁶. Это акцент анабатический (движение снизу вверх, от человека к Богу) вместо катабатического (движение от Бога к человеку). Дж. Плесс критикует богословие О. Казеля, смещавшего акцент с Христова даяния прощения грехов в Таинстве на мистическое участие верующих в Теле Христовом. Невозможно говорить о принесении жертвы священнослужителем или всей Церковью как Телом Христовым. В любом случае произойдет синергистский и антропоцентричный перекосяк.

Богословских обсуждений данного вопроса на официальном уровне в современной российской Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии не велось. В 2015 г. пастор Церкви Ингрии М. В. Иванов опубликовал статью «Учение о Евхаристической жертве в богословии Евангелическо-лютеранской Церкви», предшествовавшую защите диссертации магистра богословия, в которой понятие «жертва репрезента-

³⁵ Pless J. T. Can We Participate... P. 9–10.

³⁶ «1. Если кто-либо говорит, что на Мессе не приносится Богу истинное и подобающее жертвоприношение, или что не приносится ничего иного, кроме как то, что Христос дал нам в пищу, — да будет анафема. 2. Если кто-либо говорит, что словами «Сие творите в Мое воспоминание» Христос не поставил апостолов священниками или не установил, чтобы они и другие священники приносили в жертву Его Тело и Кровь, — да будет анафема. 3. Если кто-либо говорит, что жертвоприношение Мессы — это только жертва хвалы и благодарения или голое воспоминание жертвоприношения, совершенного на Кресте, но не искупительное жертвоприношение... — да будет анафема» (IX глава, сессия XXII Тридентского собора, 17 сентября 1562 г. Учение о жертвоприношении Мессы).

ции» было сочтено удачным для объяснения происходящего в Таинстве³⁷. М. В. Иванов в своей работе ссылается на труды Мартина Лютера, в том числе — на «Трактат о Новом Завете, то есть о святой мессе» (1520). Приведем цитату в более полном виде:

И мы не сомневаемся в том, что Христос — наш Священник или Служитель на небесах перед Богом. Такая вера воистину приводит к тому, что Христос берет на Себя наше дело, представляет нас, наши молитвы и хвалы, а также приносит Себя в жертву за нас на небесах. Если бы мессу понимали таким образом и по этой причине называли жертвоприношением, это было бы хорошо. Дело не в том, что мы возносим Таинство, а в том, что своими хвалами, молитвами и жертвоприношениями мы побуждаем Его и даем Ему повод вознести Себя ради нас на небесах, и вместе с Собою — нас самих. Как если бы я сказал, что предъявляю сына царя отцу в качестве приношения, тогда как в действительности я сделал не более того, что побудил сына представить мои нужды и прошения царю, сделав сына своим посредником³⁸.

Ясное учение о Св. Причастии записано в Мф 26, Мк 14, Лк 22, 1Кор 10–11. Ни один из этих библейских фрагментов никоим образом не говорит о том, что во время каждого богослужения Христос вновь и вновь приносит Себя в жертву на небесах (рис. 2). Поэтому мы считаем, что такое воззрение, высказанное Реформатором раз или два, можно отнести к области его частных богословских мнений, которые не являются обязательными для Церкви, названной его именем. Это мнение не вошло в корпус вероисповедных документов.

Представитель другой конфессиональной лютеранской Церкви в России — Сибирской Евангелическо-лютеранской Церкви, кандидат философских наук, магистр теологии П. А. Бутаков в 2015 г. опубликовал статью «Аналитическая метафизика евхаристического времени», а в 2017 г. — расши-

³⁷ Иванов М. В. Учение о Евхаристической жертве в богословии Евангелическо-лютеранской Церкви // Начало: Журнал Института богословия и философии РХГА. 2015. № 31. С. 49–58.

³⁸ Мартин Лютер. Слово и Таинства I. СПб., 2019. С. 119–120 (=WA, 19, 369).

ренный вариант на английском языке³⁹. Автор отмечает, что «литургическое настоящее время» в представлении богословов, которые поддерживают идею о жертве репрезентации, может реализовываться четырьмя способами:

- а) перенесение Голгофского события в настоящее (рис. 3);
- б) перенесение причастников в прошлое (наименее распространенная концепция) (рис. 4);
- в) помещение «прототипа» события (иными словами, небесной Жертвы) во вневременную реальность (рис. 5)⁴⁰;
- г) мультилокация прошлого исторического события во времени (рис. 6)⁴¹.

Для описания происходящего в Таинстве используются такие неопределенные понятия, как «воспроизведение», «репрезентация», «реактуализация». П. А. Бутаков солидарен с зарубежными коллегами в оценке истоков данного воззрения: оно стало популярным среди сторонников литургического возрождения в XX в. и восходит к уже упоминавшемуся «мистериальному богословию» О. Казеля, причем оно распространилось и в православии⁴². Жертва Христова становится «актуальной» в Евхаристии. Одним из подходов, в рамках которого используется слово «репрезентация», является платоническое представление о том, что истинная Евхаристическая Жертва совершается на Небесах (ср.: «Агнец как бы закланный», Откр 5:6; «Агнец, закланный от создания мира», Откр 13:8), где нет времени, а земные Евхаристии являются ее «репрезентациями», однако таким образом преуменьшается значение Голгофской Жертвы и каждой Евхаристии. По мне-

³⁹ Бутаков П. А. Аналитическая метафизика евхаристического времени // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 159–169; Butakov P. The Eucharistic Conquest of Time // Faith and Philosophy. 2017. N 34(3). P. 247–271.

⁴⁰ Это можно назвать «вертикальной типологией».

⁴¹ Butakov P. The Eucharistic Conquest... P. 252.

⁴² Испытавший влияние О. Казеля православный священник А. Шмеман в своем труде «Введение в литургическое богословие» многократно использует слово «актуализировать» и его производные. См.: Шмеман А. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/vvedenie-v-liturgicheskoe-bogoslovie/ (30.11.2023).

нию автора, любые спекуляции относительно евхаристического времени должны быть отброшены⁴³. Данная «трактовка» происходящего в Таинстве Св. Причастия завоевала немало сторонников во всех литургических церквях, однако истоки ее всегда одни и те же: «мистериальное богословие».

Как было продемонстрировано, представители конфессионального лютеранства, рассматривая вопрос о допустимости использования понятия «жертва репрезентации», пришли к отрицательному выводу. Резюмируем аргументы противников такого словоупотребления:

— нет необходимости в особых темпоральных спекуляциях по перенесению событий Голгофы в наше время или наоборот; по перенесению причастников в события, которые происходили 2 000 лет назад;

— сегодня в Таинстве Св. Причастия присутствуют Тело и Кровь Христовы, Сам Воскресший, но мы не созерцаем процесс Распятия Христа;

— акцент в Таинстве должно делать на деянии Бога, а не человека по принесению жертвы, важно катабатическое измерение Таинства, а не анабатическое;

— нет необходимости в выходе за рамки простых и ясных слов Катехизиса Мартина Лютера.

Необходимо отметить также, что одним из принципов лютеранской экзегетики является утверждение о существовании *sedes doctrinae*: каждый догмат имеет твердое и надежное основание в каких-либо отрывках в Св. Писании. Все остальные так или иначе относящиеся к конкретному учению библейские стихи необходимо рассматривать в свете *sedes doctrinae*⁴⁴. Ясное учение о Св. Причастии записано в Мф 26, Мк 14, Лк 22, 1Кор 10–11. Любые иные библейские фрагменты и богословские мнения должны проверяться именно этими главами. Они учения о жертве репрезентации не содержат даже в неявном виде. Таким образом, в данном случае при-

⁴³ Butakov P. The Eucharistic Conquest... P. 269.

⁴⁴ К примеру, *sedes doctrinae* о первородном грехе содержится в Рим. 5, об оправдании — в Рим 3–4, Гал 2–3, Еф 2 (Johann Gerhard. On Interpreting Sacred Scripture. Method of Theological Study / Transl. by J. J. Hayes; Ed. by B. T. G. Mayes. St. Louis, 2017. P. 125).

ходится говорить о *развитии* доктрины в ходе истории. Для лютеран, однако, не существует развития догматики (развиваться и претерпевать изменения может каноника), могут лишь изменяться термины для описания учений — но учений, уже содержащихся в Св. Писании. Тот факт, что Книга Согласия не рассматривала измерение «репрезентативного» характера Таинства Св. Причастия, может служить и в пользу того, что такая теория избыточна (притом, что в богословском дискурсе XVI в. и ранее она в том или ином виде присутствовала). Отдельные попытки дать очередное философское объяснение Таинству («репрезентация», «актуализация» и пр.) способны лишь затуманить положение, даже если отказ от подобных формулировок отбрасывает назад в экуменической перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бутаков П. А. Аналитическая метафизика евхаристического времени // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 159–169. [Butakov P. A. Analiticheskaya metafizika evkharisticheskogo vremeni [An Analytical Metaphysics of the Eucharistic Time] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2015. № 4 (32). S. 159–169].
2. Вислефф К. Ф. Теология Мартина Лютера. СПб., 2009. [Wisloff K. F. Teologiya Martina Lyutera = Martin Luther's Theology]. Saint Petersburg, 2009].
3. Вукашинович В. Литургическое возрождение в XX в. М., 2005. [Vukašinović V. Liturgicheskoe vrozozh-denie v XX v. [Liturgical Renaissance in the 20th c.]. Moscow, 2005].
4. Засе Г. Сие есть Тело Мое: лютеранское учение о Таинстве Святого Причастия. СПб., 2018. [Sasse G. Sie est' Telo Moe: [lyuteransкое учение о Tainstve Svyatogo Prichastiya [This is My Body: Lutheran Teaching on the Holy Communion]. Saint Petersburg, 2018].
5. Иванов М. В. Святое Причастие в богословии Мартина Лютера: дисс. ... магистранта. СПб., 2016. [Ivanov M. V. Svyatое Prichastie v bogoslovii Martina Lyutera [The Holy Communion in Martin Luther's Theology]. Saint Petersburg, 2016].
6. Иванов М. В. Учение о Евхаристической жертве в богословии Евангелическо-лютеранской Церкви // Начало: Журнал Института богословия и философии РХГА. 2015. № 31. С. 49–58 [Ivanov M. V. Uchenie o Evkharisticheskoy zhertve v bogoslovii Evangelicheskolyuteranskoj Tserkvi. [Teaching on the Eucharist Sacrifice in the

Evangelical Lutheran Church's Theology] // Nachalo: Zhurnal Instituta bogosloviya i filosofii RKhGA. 2015. N 31. S. 49–58].

7. Каллио Й. Доктрина оправдания и стремление Церквей к единству // Церковь Ингрии. 1996. № 4/20. С. 6–7. [Kallio Y. Doktrina opravdaniya i stremlenie Tserkvey k edinstvu [The Doctrine of Justification and and the Churches' Intention for Unity] // Tserkov' Ingrii. 1996. № 4/20. S. 6–7].

8. Кунцлер М. Литургия Церкви. Т. II. М., 2001 [Kunzler M. Liturgiya Tserkvi [The Church's Liturgy]. T. II. Moscow, 2001].

9. Пеликан Я. Христианская традиция. История развития верования. Т. I. М., 2007. [Pelikan J. Khristianskaya traditsiya. Istoriya razvitiya veroucheniya [The Christian Tradition. A History of Doctrinal Development]. T. I. Moscow, 2007].

10. Протокол Синода Централизованной религиозной организации Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России. СПб., 1996. [Protokol Sinoda Tsentralizovannoy religioznoy organizatsii Evangelicheskolyuteranskoj Tserkvi Ingrii na territorii Rossii = Synodal Record of Centralized Religious Organization Evangelical Lutheran Church of Ingria in Russia. Saint Petersburg, 1996].

11. Ратцингер Й. Богословие литургии: Сакраментальное обоснование христианского существования. М., 2017. [Ratzinger J. Bogoslovie liturgii: Sakramental'noe obosnovanie khristianskogo sushchestvovaniya [Theology of the Liturgy: A Sacramental Foundation of Christian Being]. Moscow, 2017].

12. Тийхонен П. Новости с Синода // Церковь Ингрии. 1996. № 4/20. С. 14. [Tiihonen P. Novosti s Sinoda = Synodal News] // Tserkov' Ingrii. 1996. № 4/20. S. 14].

13. Шмеман А. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/vvedenie-v-liturgicheskoe-bogoslovie/ (30.11.2023). [Schmemmann A. Vvedenie v liturgicheskoe bogoslovie [An Introduction to the Liturgical Theology]. Paris, 1961].

14. Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / Сост. М. Киннемон, Б. Коуп. М., 2002. [Ekumenicheskoe dvizhenie. Antologiya klyuchevykh tekstov = Ecumenical Movement. Anthology of the Key Texts] / Sost. M. Kinnemon, B. Koup. Moscow, 2002.

15. Бутаков П. The Eucharistic Conquest of Time // Faith and Philosophy. 2017. N 34 (3). P. 247–271.

17. Casel O. The Mystery of Christian Worship and Other Writings. London, 1962.

18. Cooke B. Synoptic Presentation of the Eucharist as Covenant Sacrifice // URL: <http://cdn.theologicalstudies.net/21/21.1/21.1.1.pdf> (30.11.2023).

19. From Conflict to Communion: Lutheran-Catholic Common Commemoration of the Reformation in 2017 / The Lutheran World Federation, Pontifical Council for Promoting Christian Unity. Leipzig, 2013.

20. Johann Gerhard. On Interpreting Sacred Scripture. Method of Theological Study / Transl. by J. J. Hayes; Ed. by B. T. G. Mayes. St. Louis, 2017.

21. Lutheran-Roman Catholic Dialogue // URL: <https://www.lutheranworld.org/content/lutheran-roman-catholic-dialogue> (30.11.2023).

22. Massen H. N. R. The Eucharist as Sacrifice (Master's Thesis). Oslo, 2018 // URL: <https://mfopen.mf.no/mf-xmlui/bitstream/handle/11250/2501954/AVH5010-1006-Massen.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (30.11.2023).

23. Pius XII. Litterae encyclicae Mediator Dei. 1947 // URL: http://www.vatican.va/content/pius-xii/la/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_20111947_mediator-dei.html (30.11.2023).

24. Pless J. T. Can We Participate Liturgically in the Atonement? // Logia: A Journal of Lutheran Theology. 2010. N 19 // URL: <http://www.ctsfw.net/media/pdfs/PlessCanWeParticipateLiturgicallyintheAtonement.pdf> (30.11.2023).

25. Sasse H. After the Council // Sasse H. Letters to Lutheran Pastors. Vol. III. St. Louis, 2015. P. 385–406.

26. Senn F. C. Liturgia svecanae ecclesiae: An Attempt at Eucharistic Restoration during the Swedish Reformation. Notre Dame, 1979.

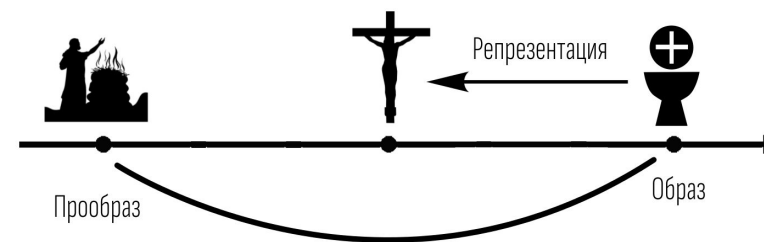

Рис. 1. Репрезентация Голгофской Жертвы в Причастии

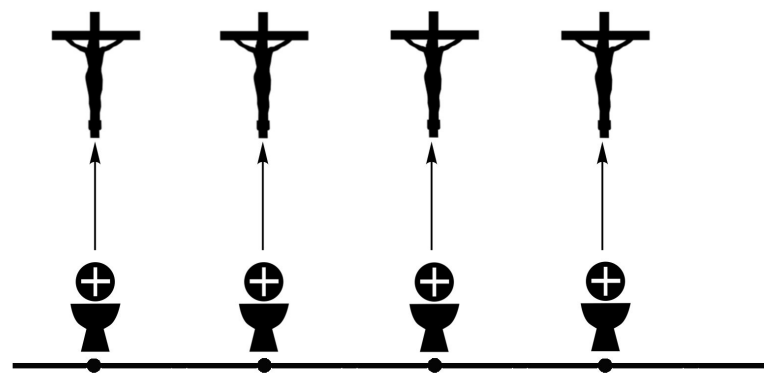

Рис. 2. Принесение Себя в Жертву Христом на небесах на каждой мессе

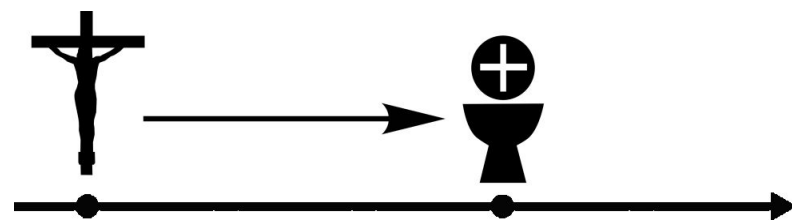

Рис. 3. Перенесение Голгофского события в настоящее

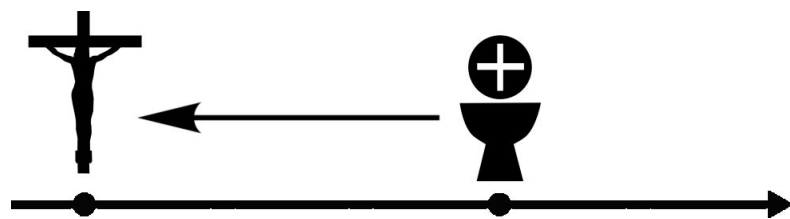

Рис. 4. Перенесение причастников в прошлое

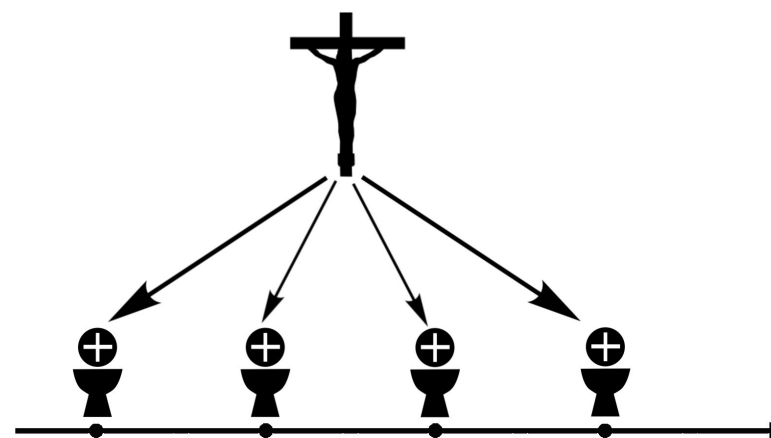

Рис. 5. Помещение «прототипа» события (небесной Жертвы) во вневременную реальность

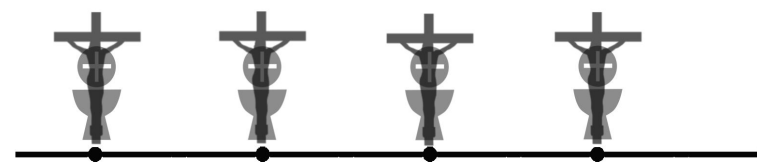

Рис. 6. Мультилокация прошлого исторического события во времени